

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ – СИГНАЛ И СТИМУЛ К ИЗМЕНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Ю. Н. Кривуц,

кандидат экономических наук, доцент
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Охарактеризованы основные этапы промышленной революции в Англии, объективные мотивы и причины критики меркантилистской идеологии и провозглашения доктрины свободной торговли.

Ключевые слова: промышленная революция, Англия, меркантилизм, свободная торговля.

ПРОМИСЛОВА РЕВОЛЮЦІЯ В АНГЛІЇ – СИГНАЛ І СТИМУЛ ДО ЗМІНИ ІДЕОЛОГІЇ ЗОВНІШНЬОЇ ТОРГІВЛІ

Охарактеризовані основні етапи промислової революції в Англії, об'єктивні мотиви і причини критики меркантилістської ідеології і проголошення доктрини вільної торгівлі.

Ключові слова: промислова революція, Англія, меркантилізм, вільна торгівля.

INDUSTRIAL REVOLUTION IN ENGLAND AS A SIGNAL AND STIMULUS TO CHANGE FOREIGN TRADE IDEOLOGY

The article gives the basic stages of industrial revolution in England, important reasons and reasons of mercantilism ideology criticism and proclamation of free trade doctrine.

Key words: industrial revolution, England, mercantilism, free trade.

*Техника – условие необходимое,
но, вне сомнения, недостаточное*

Ф. Бродель

Постановка проблемы. Теории международной торговли постоянно рассматриваются в научной и учебной литературе, но без увязки с существующими доктринами международной торговли – протекционизмом и фритредерством. Историческая взаимосвязь между двумя идеологиями и теориями международной торговли очевидна, но пока ускользает из поля зрения исследователей.

Цель статьи – раскрыть содержание промышленной революции в Англии, ее этапов и охарактеризовать причины и мотивы критики меркантилистской доктрины протекционизма и становления фритредерства.

Изложение основного материала. Период между 1760 и 1830 гг. в Англии вслед за историком этой страны Тойби называют «промышленной революцией». Именно тогда появились технические решения, изменившие не только условия труда, но и содержание производственных процессов во многих отраслях промышленности. Возмутителями спокойствия, инициаторами, «возбудителями промышленности» (П. Манту) стали те, кто занимался внешней торговлей.

Одним из главных рынков сбыта английских товаров была Индия. Она же превратилась в главного поставщика сырья – хлопка, джута, шерсти (особенно «ковровых» сортов), кожи, индиго, пшеницы, маиса, масел растительных, риса, опиума, перца, черного дерева. Кроме того, отсюда поступали хлопчатобумажные и шелковые ткани, великолепные ковры, художественные изделия из драгоцен-

ных металлов и бронзы. Индия своим экспортом серьезно беспокоила английских сукноделов, точнее – текстильщиков [1, с. 251 – 258].

Неизвестный британец в работе «Соображения по поводу торговли Вест-Индии» (1701 г.) показал, каким образом индийский импорт привел к глубокому преобразованию английского производства: «Торговля с Вест-Индией, приносящая товары по ценам более низким, чем у нас, с большей вероятностью приведет к тому, что мы будем вынуждены придумать приемы и машины, которые позволят нам производить с меньшим количеством рабочей силы и с меньшими затратами и снижать тем самым цены на промышленные товары».

Соображения оказались пророческими. В реальной жизни они базировались на рациональном использовании природных ресурсов как собственных, так и заморских территорий. «Необходимые капиталы предоставлялись купцами, разбогатевшими на крупной морской торговле, а также «купцами-предпринимателями» или «купцами-фабрикантами», нажившимися на сельских и надомных промыслах. Именно они «контролировали» суконное производство, поставляли сельским ремесленникам сырье и ткацкие станки, сосредоточивали у себя товар для продажи его на дальних рынках, и именно им доставалась львиная доля барышей» [2, с. 73].

В стране сложились необходимые и достаточные условия для промышленного переворота, скачка в хозяйственной жизни. По мнению специалистов, в нем особо значимы три этапа, следовавшие друг за другом в жесткой последовательности.

Англия славилась шерстяными тканями, их вывоз в XVII в. Увеличился в 2 раза, а в последующее столетие – еще вдвое. Экспорт сукна составлял

почти треть объема его выработки. Ограждая приоритетную отрасль вывоза, в стране ограничивали ввоз зарубежных тканей и прежде всего из Индии, Китая и Персии. Помимо высоких импортных пошлин, финансового прессы, правительство использовало драконовские меры в отношении тех, кто умышленно портил технику для выработки шерстяной ткани, готовый материал или изделия из него. Таких злостных варваров могли подвергнуть даже смертной казни.

Именно с этой отрасли, позаимствованной в XVI в. в Нидерландах, начался первый этап промышленной революции. Для развития отрасли, с одной стороны, требовалось меньше средств, чем для кардинальных изменений в отраслях тяжелой промышленности. С другой — здесь скорее оборачивался капитал и приносил ощутимую экономическую выгоду. Более того, наблюдался быстрый рост спроса не только на традиционные ткани, но и на входившие в моду муслин и ситец, «набивные ткани, из которых выдвигали одежду, занавески, платки, покрывала, которыми обивали мебель» [3, с. 482].

Однако техника и технология производства жевала лучшего: в прядении господствовала самопрялка конца XVII в., в ткачестве — еще более старый ткацкий станок. Продукция мануфактур Йоркшира, Ланкашира, Манчестера не могла соперничать с зарубежной.

Прядение тормозило всю текстильную отрасль. Необходимо было от 8 до 10 прядильщиков для выделки пряжи обрабатываемой одним ткачем в одно и то же время. Создание школ-мастерских, введение прядильного производства в тюрьмах и исправительных колониях, домах призрения и сиротских приютах, премирование за распространение прядения в деревнях не решало проблему. Все вынуждало совершенствовать технику прядильного промысла, где челнок перебрасывался ткачом через станок из одной руки в другую и обратно. При этом такое «движение» челнока оказывалось возможным, если основа была не шире длины рук рабочего, сидящего у станка. Неудобство устранялось прикреплением к седеню ткача подвижной доски (ее длина соответствовала ширине основы). Теперь рабочий мог во время движения челнока быстро перемещаться с одной стороны станка на другую. При значительной ширине ткани станок обслуживали двое. Каждый перебрасывал челнок через нити основы и затем подхватывал его при обратном движении. Джон Кэй заменил операцию передачи челнока руками специальным приспособлением. Механический (или самолетный) челнок отличался, как указывалось в патенте, тем, что «предназначался для лучшего и более аккуратного ткачества широкого сукна, саржи, парусного полотна и вообще широких материй».

Дж. Кэй, кроме того, заменил деревянные зубья металлическими. Возросла прочность зубьев, их можно было ставить чаще. Выделка тонких тканей увеличилась.

В 1733 г. получили первую нить «без участия человеческих пальцев». Вытяжной механизм Дж. Уайта (тоже самоучки) обеспечивал проход нити между валиками (каждая их пара вращалась быстрее предыдущей), и она вытягиваясь, становилась, все более тонкой.

«К 1750 г. промышленность начала обрабатывать новое волокно — хлопок... Хлопок требовал создания новой техники и не был связан со старыми традициями шерстяного производства» [4, с. 290]. Неслучайно «машинное производство прежде всего овладело сравнительно несложной отраслью труда — прядение хлопка» [5, с. 65].

Задачу машинного прядения одним из первых решил ткач Д. Харгривс (1764 г.). Его механическая прялка «Дженни» выпрыдала одновременно 16–18 тонких нитей. Эту техническую находку усовершенствовал механик Вуд; его «Билли» имел от 80 до 120 веретен. Спустя 5 лет, в 1769 г., плотник Т. Хайс внес свою лепту, но венцом явилась конструкция С. Кромптона (1779 г.): его 400–900 веретен давали прочную тонкую нить. «Мюль-машина» (от слова, «мул») — сочетание ватерной (водяной) машины Аркрайта, позволявшей производить «коленкорые ткани, изделия из чистого хлопка, которые ранее привозились из Индии, и принципиально нового конструктивного решения, доставлявшего нить особой тонкости». Теперь «Англия опередила легендарную искусность индусов, производя муслин (кисею) особенной, совершенно неизвестной до того... тонкости и нежности» [3, с. 485]. Завершающим новшеством признают автоматическую машину Р. Робертсона (ее технико-экономическая характеристика в литературе не приводится).

Выработка пряжи необычайно возрастает. Возрастает и потребность в сырье и прежде всего в хлопке. Его ввозят с Антильских островов, из Ост-Индии, южных колоний на американском континенте. Годовое потребление хлопка в 1737–1740 гг. составляло в среднем 1700, в 1741–1749 гг. — 2100, в 1751–1760 гг. — 2800 тыс. в 1761–1770 гг. — 3 млн фунтов, а в 1800 г. — 50 млн [6, с. 585, 589]. Если в 1851–1855 гг. было переработано 755 млн фунтов хлопка, то 1866–1870 гг. — 971 млн. До промышленного переворота в прядении чувствовалась нехватка пряжи, теперь «прядильный голод» был не только удовлетворен, но восполнен с избытком: «прядильщик в состоянии был в течение того же времени произвести в 200 раз больше, чем до появления дженни-машины. Картина резко изменилась: уже не хватало ткачей... положение было столь же неудовлетворительно, как и прежде; но причина его лежала уже в ином направлении. В 80-х годах XVIII в. прядильное производство значительно обгоняло ткацкий промысел, и последний уже не поспевал за первым, замедляя изготовление бумажных тканей. Это вызвало работу творческой мысли в новом направлении, — стремление к усовершенствованиям в технике ткацкого производства» [3, с. 485].

В 1785 г. сельский священник Э. Картрайт предлагает механический ткацкий станок, а в 1787 г. основал первую фабрику с 20 станками. В последующем вносились конструктивные изменения. В 1792 г. автор добился полной механизации всех основных операций: прокидки челнока, подъема ремизного аппарата, сматывания запасных нитей основы, удаления готовой ткани и т. д. Работавший на таком станке рабочий создавал почти столько же продукции, сколько могли сделать за такое же время 40 ткачей вручную. Но только с 1813 г. фабриканты стали использовать техническое решение Э. Картрайта с новациями Радклиффа и Хоррокса. К 20-м годам XIX в. в Англии и Шотландии насчитывалось 14150 ткацких станков, в 1829 г. — 55,5 тыс., а в 1834 г. — почти 100 тыс. [7, с. 131].

Эра новаций в хлопчатобумажной промышленности завершилась в 40-х годах XIX в., но объемы производства продолжали расти. С 1780 по 1820 гг. выпуск хлопчатобумажных тканей вырос почти в 16 раз [8, с. 143]. Если в 1819—1821 гг. ежегодное производство пряжи на одного рабочего составляло 968 фунтов, в 1829—1831 гг. — 1546, в 1844—1846 гг. — 2754, то ткани соответственно 342.521 и 1681 фунт [5, с. 57]. Дешевые и качественные хлопчатобумажные ткани на внутреннем рынке потеснили сукно, на внешнем — ткани индийской выработки. Рынок тканей из Индии начинает ощущать конкуренцию со стороны по сути новой английской хлопчатобумажной промышленности. Ее продукция в 1800 г. составляла четвертую часть британского экспорта, в 1850 г. — половину его. Если в 1785 г. объем производства равнялся 40 млн ярдов, то в 1850 г. — 2025 млн. При этом цена готового продукта постоянно снижалась — с индекса 500 в 1800 г. до 10 в 1850 г. [6, с. 591].

Первый этап промышленной революции в Англии логически подвел ко второму: отрасли легкой промышленности к 1820 г. стали «великим потребителем пара» (Ф. Бродель). К 1836 г. они использовали по меньшей мере 30 тыс. л. с., обеспечиваемых паром, против 10 тыс. л. с., полученные за счет энергии воды.

Еще Леонардо да Винчи описал паровую машину Архимеда; француз Денис Папен создал пароатмосферную, а Т. Сэвери в 1698 г. предложил машину «для поднятия воды и для приведения в движение всевозможных мельниц двигательной силой огня», как указано в патенте, и назвал ее «Другом горнозаводчика». При использовании изобретения была опасность взрыва. Машина поглощала огромное количество топлива. Применение ее в широких масштабах не могло быть экономически выгодным.

Водоподъемная машина Т. Сэвери стала «другом» после ее усовершенствования Т. Ньюкоменом и Р. Коулс. Однако при большом напоре подземных вод мощности не хватало. Универсальный паровой двигатель двойного действия изобрел Дж. Уатт: уже применение первых двух двигателей в

рудниках Корнуэльса в 1777 г. доказало преимущества по сравнению с предыдущими решениями. «Скорость, сила, объем машины и страшный шум, производимый ею, — писал Уатт своему компаньону Болтону, — удовлетворили всех, кто ее видел, — и друзей, и недругов». Спустя всего три года фирма Дж. Болтон — Дж. Уатт установила 20 машин на рудниках в Корнуэльсе; в 1790 г. здесь уже не было ни одной машины системы Сэвери-Ньюкомен. За десятилетие — с 1775 по 1785 гг. — введено в эксплуатацию 68 машин общей мощностью 1288 л. с., за последующее десятилетие — уже 144 мощностью 2009 л. с. За пятилетие — с 1795 по 1800 гг. — нашли применение 29 машин мощностью 1296 л. с. Распределение паровых двигателей по отдельным отраслям (Болтону с большим трудом удалось убедить изобретателя приспособить свою водоподъемную машину к нуждам других отраслей) в 1808 г. в промышленности Англии отражено в табл. 1)

Таблица 1

Распределение универсального теплового двигателя по отраслям английской промышленности

Предприятия	К-во двигателей, шт.	Мощность двигателей, л. с.
Текстильные фабрики	93	1562
Каменноугольные копи	30	380
Металлургические заводы	28	618
Медные рудники	22	440
Каналы	18	261
Пивоваренные заводы	17	147
Водопроводы	13	241

Источник : [7, с. 145]

В 1835 г. только хлопчатобумажная промышленность использовала паровые машины общей мощностью 30 тыс. л. с. или втрое превосходя мощности гидравлические (10 тыс. л. с.).

Машина двойного действия прочно входила в хозяйственную жизнь не только в Англии, но и в других странах Западной Европы и Северной Америки. Сбывалась мечта компаньонов — Дж. Болтона и Дж. Уатта: «Снабдить весь мир машинами всевозможных размеров».

По мнению Дж. Бернала, «именно использование паровой машины в качестве источника энергии... объединило уже вначале изолированные развивающиеся отрасли — тяжелую и легкую промышленность — и создало тот... промышленный комплекс, который должен был распространиться из места своего зарождения, Англии, по всему миру» [4, с. 292].

Рост текстильных товаров и паровых машин подтолкнул к созданию станков и машин, инструментов и приспособлений для их выработки и производства. Начался последний, третий этап промышленной революции в Англии. Он ознаменовался

зарождением машиностроения, в конечном счете обеспечившим производство машин и помощью машин, а значит, — переход к фабрике.

Начало изменению техники изготовления машин заложил английский механик Г. Модсли. В 1794 г. он предложил крестовидный резцедержатель (суппорт), избавив рабочего огромным усилием сжимать в руке резец при обработке материала. Спустя три года, Г. Модсли разработал и изготовил конструкцию токарного станка на чугунной станине и с самоходным суппортом. В этот же году изобретатель создал токарно-винторезный станок. Последняя работа Г. Модсли — металлический щит для прорывки туннеля под Темзой в Лондоне.

Естественно, возрастал спрос на металл. До 80-х годов XVIII в. развитие металлургического производства напрямую связывалось с использованием древесного угля. Уже в XVII в. на Британских островах оказались уничтоженными многие лесные массивы. Лес удовлетворял разнообразные хозяйственные нужды. Из дерева изготавливали мебель и домашнюю утварь, строили здания. Деревянными были прялки, ткацкие станки, воздуходувные, водяные и даже первые паровые машины, а также приклады ружей, орудийные лафеты. Лес использовался при строительстве мостов и кораблей (для строительства только одного корабля среднего тоннажа требовалось около 4 тыс. стволов). Древесина как топливо находила применения в домах. Без нее немислимы процессы выпаривания поваренной соли, получения мыла, солода. Для получения 1 т железа сжигалось 4 сажени дров. Многие поэтому призывали отказаться от собственной железодельной промышленности. Выгоднее — де шведское, российское и испанское железо. В середине XVIII в. до 60 % потребность в металле (главным образом для производства машин и оружия, в частности стволов ружий и орудий, якорей и цепей) покрывалось импортом. Но были сторонники и иной идеи: получить металл, отказавшись от древесного угля, а используя каменный, который с эпохи Древнего Рима добывали открытым способом в Шотландии и Нортумбормэнде. Однако такие попытки до начала 1700-х годов оказывались безуспешными, пока А. Дерби не осуществил плавку на коксе (продукте переработки каменного угля) в доменных печах Колбрукдейла в Шропшире. Ни один предприниматель не последовал за ним. Еще в 1775 г. 45 % производства штыкового чугуна приходилось на домны, работавших на древесной угле. Объяснение этому — чисто экономические: стабильно высокая доходность, заоблачные импортные таможенные пошлины, повышавшие цены на зарубежный металл.

Во второй половине XVIII в. ситуация резко изменилась. Уже в 1799 г. в стране выплавляли 80 тыс. т чугуна, а в 1815 г. — почти 250 тыс. Сам А. Дерби построил завод с производительностью 8 тыс. т металла в год. Все это — реакция на возросший спрос не только в Англии, но и за ее пределами. Экспорт

повысился с 8,9 тыс. в 1829 г. до 23 тыс. в 1833 г. и 50 тыс. в 1840 г. Одновременно наблюдался рост добычи каменного угля, что выразилось в таких объемах: 1700 г. — 2,6 тыс. т, 1750 г. — 4,8, 1770 г. — 6,2, 1800 г. — 10,1 и 1816 г. — 27 тыс. т [6, с. 491]. Металлургическое производство теперь стало зависеть не от древесного, а каменного угля. Наметилась тенденция приближения железодельных предприятий к угольным месторождениям, отдаваясь от берегов рек.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: к 1760 г. издержки производства металла на древесном угле стали на каждой тонне на 2 фунта дороже, чем на каменном [6, с. 586].

В стране получали чугуна в достаточном количестве, но производители машин, приспособлений и инструмента требовали улучшения его качества. Проблему решил А. Корт. В 1784 г. он обосновал метод puddling (от англ. to puddle — «мешать»). С 10–20 т в сутки выплавка не только возросла до 200 т (вместо 18 т полосового железа, вырабатывают в середине XVII в., в 1823 г. — 455 тыс. т), но существенно изменились характеристики металла. В 1820 г. по сравнению с 1790 г. выплавка металла улучшенного качества более чем утроилась. Это позволило использовать металл в разных областях. В 1779 г. завершается строительство первого моста из литых чугунных элементов через реку в Кальбрукдайле с проектом в 31 м.

Нововведения в металлургическом производстве стимулировали развитие угледобычи. С 26 млн в 1700 г. до 76 млн т в 1790-м г. и свыше 100 млн т в 1795 г. — такова динамика работы отрасли. В период с 1800 по 1884 гг. добыча минерала увеличилась в 10 раз и составила половину мирового объема [9, с. 133].

Уголь использовали не только в металлургии, но более широко в качестве топлива. Вместе с тем расходы на его транспортировку обходились дорого. Так, расходы на доставку одной тонны угля из Манчестера в Ливерпуль составляли 40 шиллингов. Даже появление дорог между важными центрами страны не сказалось на стоимости перевозок. Они оставались высокими.

В 90-е годы XVIII в. Англию охватывает лихорадка строительства речных каналов, прежде всего между угледобывающими районами и центрами металлургического производства. В период с 1790 по 1794 гг. парламент принял 91 акт о строительстве каналов.

В 1795 г. инженер Т. Бридли руководил строительством 17-километрового канала между Уэлсом и Манчестером. В конечном счете — транспортировка тонны угля подешевела на половину. Затем канал удлиннили и Манчестер получил выход к морю. Приоткрылась возможность экспорта местных товаров за границу. Через несколько лет вступил в строй канал до реки, Тронт. Расходы на перевозку угля, железа, соли, пшеницы, гончарных изделий

снизились в 4 раза. К 1825 г. в Англии насчитывалось более 500 миль речных каналов, вложения на их строительство превысили 13 млн ф. ст.

В 1826 г. была построена первая железная дорога. С конца второго десятилетия появились железные дороги с исключительным использованием силы пара, в частности благодаря Д. Стефансону. Его паровоз «летел как ветер» — 5 миль в час. С 1814 г. паровое сообщение устанавливается на реках между городами, потом между Англией и Ирландией, Англией и континентом. В 1818 г. «Саванна» за 26 дней совершает переход из Америки в Ливерпуль. С 1860 г. паровое судоходство становится господствующим, что активизирует международный товарообмен.

Завершая обзор тех изменений, какие произошли в Англии в эпоху промышленного переворота Дж. Бернал писал: «В техническом отношении это был век неуклонного подъема как по масштабам, так и достигнутым результатам». И продолжал: «В экономическом отношении переворот этот был, по-видимому, обусловлен постоянным расширением рынка сбыта промышленных товаров, главным образом текстильных, что в свою очередь явилось следствием прежде всего морских путешествий (с поиском новых земель и рынков — Ю. К.) и событий XV столетия, связанных с колонизацией» [4. с. 225, 289].

Ведущее место в английской экономике занимали отрасли текстильной промышленности. За 130-летие (с 1741 по 1871 г.) потребление хлопка-сырца выросло более чем в 1000 раз. В 1868 г. насчитывалось более 2,5 тыс. фабрик, на которых имелось 32 млн прядильных веретен и свыше 379 тыс. ткацких станков. Выпуск хлопчатобумажных тканей за 1800—1870 гг. увеличился в 19 раз. О росте производительности труда в ткацком и прядильном производстве можно судить по данным табл. 2.

Естественно, росли объемы производства тканей всех видов, соответственно увеличивался вывоз их из Соединенного Королевства (см. табл. 3).

Значительны достижения и в других отраслях.

В 1839 г. в Англии выплавляли 578 тыс. т чугуна, в 1852 г. — более 770 тыс., а в 1870 г. — примерно половину мирового объема. Добыча угля выросла в 1865 г. по сравнению с 1820 г. на 90 млн т — с 10 до 100 млн. В 60-е годы XIX в. удельный вес добываемого угля в стране превысил 50 % мирового. Значительно увеличились объемы экспорта железа, включая машины, и каменного угля (см. табл. 4).

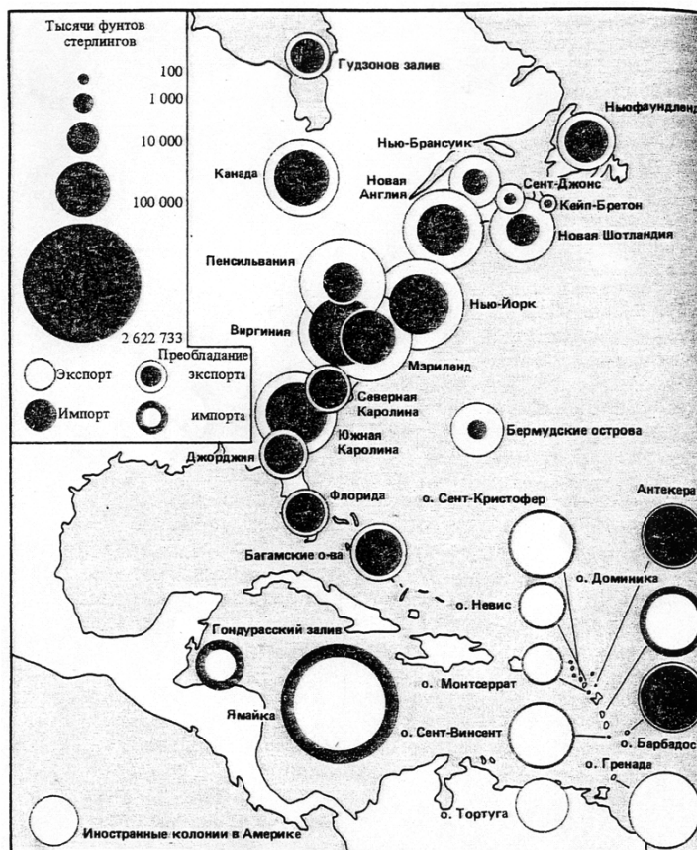

Рис. 1. Международная торговля Великобритании в 1792 г.

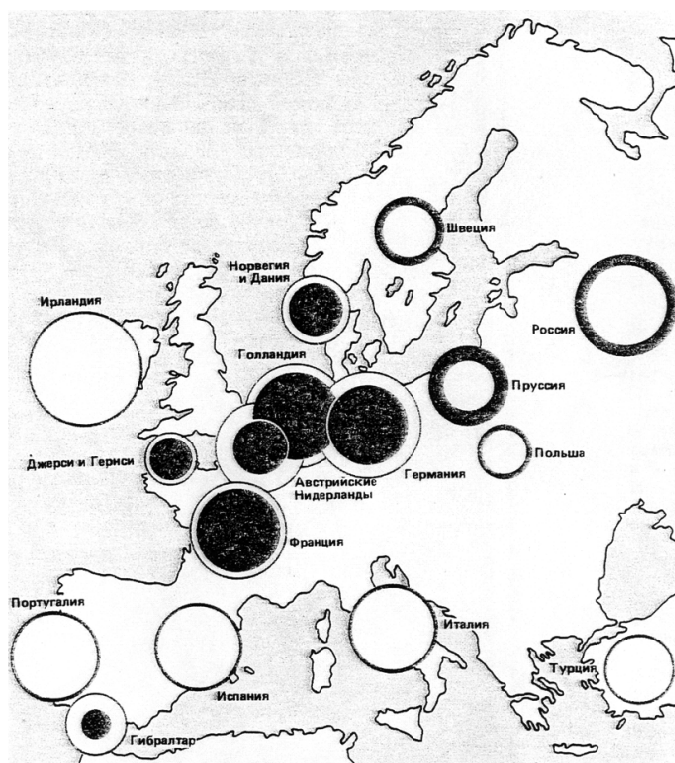

Рис. 2. Международная торговля Великобритании в 1792 г.

Таблица 2

Ежегодная выработка на одного рабочего, фунтов

Годы	Пряжа	Ткани
1819–1821	968	342
1829–1831	1546	521
1844–1846	2754	1681

Источник : [5, с. 67]

Таблица 3

Экспорт тканей, млн ф. ст.

Годы	Ткани		
	Хлопчатобумажные	шерстяные	льняные
1868–1870	54,2	21,3	7,3
1886–1888	59,5	20,2	5,5

Источник : [5, с. 82]

Таблица 4

Вывоз из Соединного Королевства, млн ф. ст.

Годы	Железо, включая машины	Каменный уголь
1868–1870	26,3	5,4
1885–1887	35,3	10,4
1886–1888	37,9	15,8

Источник : [5, с. 67]

В 1849 г. на долю Англии приходилось 45 % мирового промышленного производства. Страна стала фабрикой мира. Отовсюду она получала сырье, материалы, «превратив их в фабрикаты, обратно рассылала их по всему миру» (М. И. Туган-Барановский). Доля «мастерской мира» достигла четверти объемов всей мировой торговли в 1860 г. Экспорт за период с 1830 по 1850 гг. с 69 млн ф. ст. увеличился до 157. В известной мере это обеспечивалось ростом протяженности железных дорог с 1,4 до 25 тыс. км за 1840–1870 гг., или почти в 18 раз. В 1761 г. тоннаж флота составлял 400 тыс. т, в 1800 – 1,9 млн. Общий тоннаж британского флота с 1800 по 1870 гг. более чем удвоился и превысил 5 млн т. Англия превратилась в «мирового перевозчика»: 60 % мировых транспортных услуг приходилось на ее долю.

Внешний рынок был единственным выходом для сбыта продукции интенсивно развивающейся английской промышленности. Однако для страны до 50-х годов XIX в. он был мало доступен: на европейском континенте продолжал господствовать протекционизм. Критика идеологии запретов и ограничений велась во многих странах, в частности во Франции [10] и Англии [11]. Призрак свободной торговли будоражил ведущие европейские страны, особенно страну Туманного Альбиона. Британская

промышленность на протяжении XVIII в. наращивала производство экспортных отраслей (индекс 1700 г. – 100, 1800 г. – 544) или рост составил почти 450 %. Внутреннее (52 %) потребление и объемы экспорта практически уравнились, что достаточно красноречиво свидетельствовало о роли внешнего рынка страны первой промышленной революции (см. рис. 1 и 2) После 1800 г. значение внешнего потребителя все возрастало: за 20-летие экспорт английских товаров увеличился на 43 % [6, с. 599].

Выводы. «Англичане опередили другие страны благодаря тому, что у них рано началась индустриализация», – отмечал Дж. Неру в трехтомном «Взгляде на всемирную историю». Правота премьер-министра Индии подтверждается, в частности, объемами производства хлопчатобумажных тканей на Британских островах. В 1819–1820 гг. было выработано всего 80 млн фунтов, когда еще преобладало ручное ткачество, в 1829–1833 гг. повысилось до 143 млн. При массовом применении ткацких станков в 1844–1846 гг. объемы производства возросли до 348, а в 1859–1861 гг. – до 650 млн фунтов. Удовлетворяя внутренний спрос, фабрикантам приходилось искать новые рынки сбыта, тесня конкурентов. «Англичане в Индии, – подчеркивал Дж. Неру, – постарались всеми путями подорвать индийскую промышленность и навязать Индии английские товары». И неслучайно «Индия, которая столетиями была «Ланкаширом восточного мира» и в восемнадцатом веке в огромных количествах снабжала Европу хлопчатобумажными изделиями, теперь утратила свое положение производящей страны и превратилась просто в потребителя британских товаров... Отныне в Индию привозили иностранные товары, а из страны уходили золото и серебро.

Текстильная промышленность Индии стала первой жертвой этого наступления. По мере того как в Англии развивалась машинная промышленность, участь текстильной разделили и другие отрасли индийской промышленности» [11, с. 111, 114, 192].

Британская реальность, поведение ее предпринимателей никак не вписывалось в прокрустово ложе меркантилистских построений. Результаты хозяйственной деятельности взрывали политику защиты и ограничений. Объективно требовалась иная философия поведения и доктрина внешней торговли, так называемая *laissez faire*. «Идеологи британской буржуазии, опьяненные промышленной монополией Англии, ставили своей целью свободу торговли (фритред)», – констатировал Е. Черняк в книге «Секретная дипломатия Великобритании» [13, с. 322].

Вполне естественны дальнейшие изыскания относительно становления идеологии свободной торговли в стране первой промышленной революции.

Список литературы

1. Тарле Е. В. Политика: история территориальных захватов, (XV–XX века) / Е. В. Тарле. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 456 с.
2. Барр Р. Политическая экономия: в 2-х т.; пер. с фр. / Р. Барр. – Т. 1. – М. : МО, 1955. – 608 с.
3. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы / И. М. Кулишер. – Челябинск : Социум, 2012. – 1032 с.
4. Бернал Дж. Наука в истории общества: пер. с англ. / Дж. Бернал. – М. : ИЛ, 1956. – 743 с.
5. Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы. Очерк социальной истории Англии / М. И. Туган-Барановский. – Научная думка, 2004. – 574 с.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: в 3-х т.; пер. с франц. / Ф. Бродель. – Т. 3. – М. : Прогресс, 1992. – 1945 с.
7. Зворыкин А. А. История техники / А. А. Зворыкин. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 772 с.
8. Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран : учебное пособие / Т. М. Тимошина. – М.: ИД, 2000. – 740 с.
9. Березин И. Краткая история экономического развития / И. Березин. – М. : Русская литература, 1998. – 288 с.
10. Кривуц Ю. Н. Первые критики идеологии меркантилизма и буревестники доктрины свободной торговли во Франции / Ю. Н. Кривуц // Вісник Міжнародного Слов'янського університету. Серія економічних наук, 2012. – № 1. – С. 34–42.
11. Кривуц Ю. Н. Первые критики идеологии меркантилизма и пионеры доктрины свободной торговли в Англии / Ю. Н. Кривуц // Вісник Міжнародного Слов'янського університету. Серія економічних наук, 2011. – № 2. – С. 47–66.
12. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: В 3-х т.; пер. с англ. / Дж. Неру. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1989. – 504 с.
13. Черняк В. Секретная дипломатия Великобритании / В. Черняк. – М. : МО, 1975. – 374 с.